

„Слово о житии и о преставлении“ Дмитрия Донского своим необычным заглавием напоминает столь же необычное для жития заглавие биографии Стефана Пермского: „Слово о житии и учении...“ Совпадают в языке Епифания Премудрого и автора „Слова о житии“ Дмитрия Донского и отдельные традиционные выражения: Дмитрий „от самех пелен бога възлюбил“ и Сергей „от смыш пелен богу освятися“ (житие); „честь“ Дмитрия „превознесеса“ „от моря и до моря“ — „добродетельному житию“ Сергея „почюдидшася“ „от моря даже и до моря“ (там же); „тело же его честное на земли остана“ — „тело земное оставь“ (ж. Ст. П.)

Особенно обращает на себя внимание то, что житие Дмитрия, как и житие Стефана Пермского, заканчивается плачем: в первом — вдовья княгини Евдокии, во втором — церкви пермской, овдовевшей со смертью Стефана.

Плач как особая форма выражения лирических настроений, и вместе с тем похвалы умершему, уж с XI в. был принадлежностью княжеских житий. Здесь такие плачи иногда развивали краткие летописные заметки о плаче народа и родственников над умершими князьями, иногда же самостоятельно дополняли содержание, причем публицистическая идея жития входила и в некоторые плачи, чаще, однако, посвящавшиеся оценке заслуг умершего.

Если плач, более или менее развитой, был хорошо знаком и летописному стилю и княжеским житиям, то в житийной литературе он, наоборот, был редкостью. Характеризуя литературную манеру Епифания Премудрого, В. О. Ключевский особо подчеркнул своеобразие похвалы Стефану Пермскому, облеченной в форму трех плачей — пермских людей, пермской церкви и автора: „Такая оригинальная форма похвального слова безраздельно принадлежит одному Епифанию: ни в одном греческом переводном житии не мог он найти ее, и ни одно русское позднейшее, заимствуя отдельные места из похвалы Епифания, не отважилось воспроизвести ее литературную форму“ (Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 94).

Как форма похвального слова, плач, действительно, необычен в византийской житийной литературе. Но здесь также изредка в плачах, среди выражений горестных настроений, встречаются и элементы похвалы умершему — например, в плаче нищих над гробом Филарета Милостивого (1 декабря), монахинь над Афанасией (25 сент.) и т. д. Канон „о плачи пресвятой богородицы“ Симеона Логофета не только выражал горе матери, но и прославлял страдания Христа. Что же касается русской житийной литературы, то В. О. Ключевский был прав, подчеркивая новизну в ней плача-похвалы, взведенного Епифанием. И в житиях XVI в., действительно, плач-похвала уже не имеет такого развитого вида, как в житии Стефана Пермского (сравним житие Пафнутия Боровского, составленное Вассианом Саниным, минейную редакцию жития Михаила Клопского, плачи-молитвы в поздних редакциях житий Антония Римлянина или Феодосия архиепископа Новгородского, составленного Евфимием Туркиным).

Автор плача Евдокии и Епифаний Премудрый — оба знали народные причитания, в частности вдовьи, но в разной степени отразили это знакомство в созданных ими плачах. Светская тема и герой — в первом произведении и церковный сюжет плача пермской церкви, потерявшей своего епископа-просветителя, — во втором естественно требовали не одинаковых литературных приемов. Выше указаны совпадения отдельных мотивов плача Евдокии с народными похоронными причитаниями и отмечено, что в ряде случаев автор этого плача все же предпочел воспользоваться книжным, а не устно-поэтическим языком. Тем более